Ольга КОМАРОВА

АЗИАТЧИНУ

Чую в себе, чую.
Неизвестно где днюю-ночую.
Чуть ворохнёт ноздрёй конь –
Откочую.
Птицей с мятым крыло лечу я.
Смерть с чёрно-белым крылом чую.
И, как смерч, навстречу той птице лечу я.
И тараню её, и в лицо хохочу ей.
И опять неизвестно с кем днюю-ночую.
Песню, сердцем рождённую, чую.
И до почечных колик горло рву
И акыном кричу я:
«Чудо-песня моя, вместе с тобой лечу я!»
Азиатчину чую в себе, чую...

ДЗЕРЖИНКА

Богу виднее,
Где быть мне, что делать и петь.
Вот и стою на Дзержинке
В ожиданье трамвая.
Вот и пою в ожиданье трамвая –
Нельзя мне не петь.
Вот и живу в этом городе,
Горя не зная.
Замысел был обо мне у Творца
И велик, и мудрён.
Разве что воплощала его неуклюже?
Ветры стальные да пыльные
Дули со всех сторон.
Это – стою! – возле лужи.
Бывало – плюхалась в лужу.
Денежкой мелкой,
Под пяткою – пятаком
Я прожила кое-как,
Принося удачу.
Вот уже еду.
Волнующий Голос тайком
Шепчет, что надо.
Кондуктор сопит над сдачей.
Сдачи не надо мне
С этой судьбы как гоньбы,
С этого вечного боя
За жизнь и рассудок.
Дети и внуки мои всё равно
Наросли как грибы.
Да и стихи хороши
На голодный желудок.
Так что в трамваях судьбы
Я расплатилась сполна.
Божьи дары принимала охапкой,
Навалом.
Только себе я всегда оставалась верна.
Богу в себе,
Не много – не мало.

БУМАЖНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

Словно лопнула струнка, –
Сижу в сторонке,
Гляжу сторожко.
Я – человечек маленький.
Головка-пузико-
Ручки-ножки.
Я – человечек бумажный:
Ручки – крылышки,
Ушки – пропеллер.
И, что единственно важно:
Человечек я – певчий.
Только представьте себе это чудо:
Бумажный человечек летит, поёт!..
Ему не страшны никакие простуды
И крики снизу, что он идиот.
Ему не страшно, что дует ветер.
Дунул – и нет его!
Зато – пел.
И если ты бумажного встретил –
Значит, и ты чего-то успел.
Бумажные человечки –
Смешная формация:
Недолго живущий летящий народ.
Но как украшают белковые нации:
Поют и летают
Круглый год.

РОДИЛАСЬ В ГОД СОЛНЦА

От звёздной пары:
Папа старше мамы на 20 лет-вёрст –
Много после того, как устали татары
Красть из русских селений невест.
Но кровинка татарщинки –
В узости щелей глаз,
В трепетаньи ноздрей –
Проявилась в крови моей
Красно-пенной
Пряной нотой своей.
И осталось в памяти давней, генной:
Хан уруской звал
И ломал над белым моим коленом
Свой калёный кинжал.
И остался в памяти давней генной
Топот узких копыт.
И заря полыхала в степи вселенной.
Пыль. Кибитки. Знобит.
Шагом – стоном,
Кибиткой рунной
Дальше-дальше за Русь...
И ковыльём несёт бурунным
Под убрус.